

•thebigbook•

КНИГИ
ДЖОДИ ПИКОЛТ

Девятнадцать минут
Простая правда
Второй взгляд
Сохраняя веру
Новое сердце
Время уходит
Ангел для сестры
Клятва. История любви
Книга двух путей
Рассказчица
Домашние правила
Если бы ты был здесь
Обращаться с осторожностью

ДЖОДИ ПИКОЛТ

КНИГА
ДВУХ ПУТЕЙ
РОМАН

Санкт-Петербург

*Посвящается Фрэнки Рамосу.
Приветствую твое появление в семье
(и возможность получить ответы
на бесконечные вопросы на медицинские темы).
И Кайлу Феррейре ван Лиру,
который впервые рассказал о «Книге двух путей»,
заставив меня задуматься*

Смерть — это тоже приключение.

Дж. М. Барри. Питер Пэн

ПРОЛОГ

В моем календаре очень много умерших людей.

Услышав звон будильника, я выуживаю телефон из кармана штанов-карго. С этой разницей во времени я забыла выключить напоминалку. Еще не вполне очухавшись от сна, я открываю сегодняшнее число и читаю имена: Айрис Вейл, Ким Ён Э, Алан Розенфельдт, Марлон Дженсен.

Я закрываю глаза и делаю то, что делаю каждый день в эту минуту: вспоминаю ушедших в мир иной.

Айрис, ставшая перед смертью невесомой, точно птичка, однажды вывезла на автомобиле своего любимого после ограбления банка. Ён Э у себя в Корее была врачом, но не смогла работать по специальности в Соединенных Штатах. Алан, гордо показав мне урну, купленную для захоронения своего праха, пошутил: «Я пока не успел это примерить». Марлон заменил в доме все туалеты и полы, прочистил водостоки, купил детям подарки на окончание школы и спрятал подальше. Он отвел свою двенадцатилетнюю дочь в танцевальный зал ресторана и прошелся с ней в туре вальса, а я снимала все это на телефон, чтобы в тот день, когда она будет выходить замуж, у нее было бы видео, как она танцует с отцом.

Они были моими клиентами. А теперь стали историями, которые я должна сохранить.

В моем ряду все спят. Я убираю телефон в карман штанов и осторожно, стараясь не разбудить, переползаю через женщину справа — йога для авиапассажиров, — чтобы пройти в туалет в хвосте самолета. Попав в туалет,

я сморкаюсь и смотрю на себя в зеркало. Я нахожусь как раз в том возрасте, когда, глядя на свое отражение, надеешься увидеть женщину намного моложе той, что удивленно моргает на тебя из зеркала. Морщинки в уголках глаз чем-то напоминают заломы на потрепанной карте. Если я расплету косу, перекинутую через левое плечо, безжалостный флуоресцентный свет выхватит первые седые пряди в волосах. На мне мешковатые штаны на эластичном поясе: именно такие любая здравомыслящая женщина ближе к сорока надевает перед продолжительным авиаперелетом. Я беру пригоршню бумажных салфеток и открываю дверь, собираясь вернуться на место, но вижу, что крошечная кухонька забита бортпроводниками. Они стоят вплотную друг к другу, чем-то напоминая наспуленную бровь.

При моем появлении они сразу замолкают.

— Мэм, — говорит один из них, — пожалуйста, займите свое место.

Меня внезапно пронзает мысль, что их работа не слишком отличается от моей. Находясь на борту самолета, ты не там, откуда начал, и не там, куда направляешься. Ты в межъящичном пространстве. А бортпроводник — это сопровождающий, который помогает тебе спокойно преодолеть переход. Как доула смерти, я делаю то же самое, однако в моем случае это путешествие из жизни к смерти, и в конце пути ты не высаживаешься вместе с двумястами пассажирами. Ты уходишь в одиночестве.

Я снова перелезаю через спящую женщину в кресле возле прохода и пристегиваю ремень безопасности как раз в тот момент, когда над головой вспыхивает свет и салон сразу оживает.

— Дамы и господа! — объявляет голос по громкой связи. — Капитан только что сообщил, что мы собираемся объявить плановую чрезвычайную ситуацию. Пожалуйста, слушайте бортпроводников и выполняйте их указания.

Я холодею. *Плановая чрезвычайная ситуация*. Мой мозг пытается переварить этот оксюморон.

По салону пробегает стремительная волна звуков — глухой испуганный ропот, — но ни воплей, ни громких криков. Даже младенец у меня за спиной, надрывно оравший первые два часа полета, молчит.

— Мы сейчас разобьемся, — шепчет сидящая у прохода женщина. — Боже мой, мы сейчас разобьемся!

Она явно ошибается. Нет никакой турбулентности. Все нормально. Но потом в проходе появляются бортпроводники, чтобы исполнить порывистые балетные па, демонстрирующие меры безопасности; одновременно из динамиков разносятся инструкции: «Пристегните ремни». «Когда услышите: „Сгруппируйтесь“, пригнитесь и накройте голову руками». «Когда самолет остановится, вы услышите команду: „Отстегнуть ремни“». «Выходите из самолета». «Оставьте все в салоне».

Оставьте все.

Для человека, зарабатывающего на смерти, я слишком мало задумывалась о собственной.

Я слышала, что, когда наступает твой смертный час, вся жизнь проносится перед глазами.

Но я представляю не своего мужа Брайана в джемпере, вечно измазанном мелом от старых школьных досок в его физической лаборатории. И не дочь Мерит, которая в детстве просила проверить меня, нет ли под кроватью монстров. В моем воображении не встает образ матери — ни на закате ее жизни, ни раньше, когда мы с моим братом Кайраном были детьми.

Нет, вместо них я вижу *его*.

Отчетливо, словно это было вчера, я вижу Уайетта посреди египетской пустыни, палящие лучи солнца падают на его шляпу, на шее грязная полоса от вездесущей пыли, белозубая улыбка похожа на вспышку молнии. Это мужчина, пятнадцать лет назад ушедший из моей жизни. Место, которое я оставила.

Диссертация, которую я так и не закончила.

Древние египтяне верили: для того чтобы обрести вечную жизнь, они должны предстать перед загробным судом не отягощенными грузом грехов. Их сердца помещались на чашу весов богини Маат, на другой чаше которых лежало перо истины.

Сомневаюсь, что мое сердце смогло бы пройти испытание.

Женщина справа от меня тихо молится по-испански. Я отчаянно пытаюсь достать телефон, чтобы отправить сообщение, хотя отчетливо понимаю, что нет сигнала. Однако мне никак не удается расстегнуть пуговицу на кармане штанов. Чья-то рука ловит мою руку и крепко сжимает.

Я смотрю на наши ладони, сцепившиеся так крепко, что между ними, кажется, больше нет секретов.

— Сгруппируйтесь! — кричит бортпроводник. — Сгруппируйтесь!

И пока мы падаем с неба, я спрашиваю себя, кто будет меня помнить.

Уже гораздо позже я узнаю, что после авиакатастрофы, когда появятся спасатели, бортпроводники назовут им число душ на борту. Число душ, а не число человек. Словно они знают, что наши тела здесь транзитом.

Я узнаю, что во время полета забился один из топливных фильтров. Что сигнал о том, что забился второй фильтр, поступил в кабину пилота через сорок пять минут, и, несмотря на все усилия, пилоты не смогли прочистить фильтры, в связи с чем приняли решение об аварийной посадке. Я узнаю, что самолет, чуть-чуть не дотянув до международного аэропорта Роли-Дарем, приземлился на футбольном поле частной школы. Задев крылом трибуны, самолет перевернулся, покатился по полю и развалился на части.

Уже гораздо позже я узнаю, что три кресла в ряду за моей спиной, где сидела семья с младенцем, оторвались от пола и вылетели наружу. Вся семья в результате погибла. Я услышу о шестерых пассажирах, которые были раздавлены искореженным металлом, и о бортпроводнице, так и не вышедшей из комы. Я прочту имена пассажиров последних десяти рядов, которые не смогли выбраться из поврежденного фюзеляжа до того, как тот загорелся.

Я узнаю, что оказалась в числе тридцати шести человек, чудом сумевших уцелеть в катастрофе.

Ошарашенная, я выхожу из смотрового кабинета больницы, куда нас отвезли. В коридоре женщина в униформе из группы экстренного реагирования разговаривает с мужчиной, у которого забинтована рука. Эта женщина следит за проведением медицинского осмотра, обеспечивает нас чистой одеждой и едой, а также успокаивает обезумевших родственников жертв катастрофы.

— Мисс Эдельштейн? — спрашивает женщина, и я растерянно моргаю, не понимая, что она обращается именно ко мне.

Миллион лет назад я была Дон Макдауэлл. Я публиковалась под этим именем. Но в паспорте и водительских правах стоит фамилия Эдельштейн. Как у Брайана.

В руке у женщины список выживших в авиакатастрофе.

Женщина ставит галочку возле моей фамилии.

— Вас уже осмотрел врач?

— Еще нет. — Я оглянулась на смотровой кабинет.

— Ну ладно. Думаю, у вас наверняка есть какие-то вопросы, так?

Это еще мягко сказано.

Почему я осталась в живых, а другие нет?

Почему я взяла билеты на этот конкретный рейс?

А что, если бы я опоздала на регистрацию и не успела сесть в самолет?

А что, если бы я сделала другой выбор из тысячи имеющих, что позволило бы мне избежать авиакатастрофы?

И тут я вспоминаю о Брайане и его теории мульти-вселенной. Где-то в параллельном временном измерении есть другая я, которую сейчас хоронят.

И я сразу же — как всегда — думаю об Уайетте.

Нужно срочно отсюда выбираться.

Я понимаю, что произношу это вслух, лишь тогда, когда женщина из группы экстренного реагирования говорит:

— Как только получите медицинское заключение, вы свободны. За вами кто-нибудь придет или мне взять на себя организацию вашей поездки?

Нам, счастливицам, сообщили, что мы получим билеты на самолет туда, куда захотим: или в пункт назначения, или обратно, к месту вылета, или, в случае необходимости, куда-нибудь еще. Я уже успела позвонить мужу. Брайан предложил приехать за мной, но я отказалась. Без объяснения причин.

Я откашливаюсь:

— Мне билет на самолет.

— Конечно, — кивает женщина. — Куда вам нужно лететь?

«В Бостон, — думаю я. — Домой». Но было нечто такое в формулировке вопроса, а именно в этом «нужно» вместо «хотите», что у меня в мозгу, точно струйка дыма, возникает мысль о другом пункте назначения.

И я говорю.

СУША/ЕГИПЕТ

Я слышал песни в древних гробницах,
Возвеличивающие живых
И уничижающие города мертвых.
Но зачем это делать в преддверии вечности —
Царства справедливости и добродетели, где нет страха?
Хаос — это его скверна!
Здесь никто никого не боится,
И в этой земле, где нет противников,
Находят покой все наши семьи
Испокон веков.
И те, кто будет рожден через миллионы и миллионы лет,
Все придут сюда.

*Из текста на гробнице Неферхотена.
Перевод на английский
профессоров Коллин и Джона Дарнелл*

Моя мать, которая до самой смерти была страшно суеверной, перед дальней дорогой всегда заставляла нас с братом хором говорить: «Мы никуда не едем». Таким образом мама хотела обмануть дьявола. Не стану утверждать, будто верю в подобные вещи, но, так или иначе, перед отъездом я не выполнила ритуала — и вот, глядите, куда это меня завело.

Выйти из здания каирского аэропорта в августе — все равно что ступить на поверхность солнца. Даже глубокой ночью жара, обрушивающаяся на тебя тяжелыми волнами, вонзается в кожу острым ножом. По позвоночнику течет струйка пота. К этому я оказываюсь не готова. Я в толпе спящих туда-сюда людей, среди которых помятая группа ошалевших туристов, подгоняемых к минивэну, и подросток, вытаскивающий из тележки на тротуар обтянутый прозрачной пленкой чемодан, и женщина, вступившая в неравную борьбу с ветром в напрасной попытке удержать на голове шарф.

Внезапно меня окружает группа мужчин.

— Такси? — рывкают они. — Нужно такси?

Невозможно скрыть тот факт, что я западная женщина: это с первого взгляда видно по моим рыжим волосам, штанам-карго и кроссовкам. Я киваю, ловлю взгляд одного из них: с густыми усами, в полосатой рубашке с длинным рукавом. Остальные таксисты тотчас же отваливают — чайки в поисках другой крошки.

— У вас есть чемодан?

Я качаю головой. Все мое имущество в сумке через плечо.

— Американка? — замечает таксист и, когда я киваю, расплывается в белозубой улыбке. — Добро пожаловать на Аляску!

Надо же, прошло пятнадцать лет, а этой бородатой шуткой по-прежнему потчуют туристов. Я сажусь на заднее сиденье такси:

— Отвезите меня на Центральный железнодорожный вокзал Рамсес. Сколько времени это займет?

— Пятнадцать минут, *иншаллах*.

— *Шокран*, — отвечаю я.

Спасибо. Поверить не могу, как быстро арабский начал сам собой слетать с языка. Должно быть, в мозгу есть пространство, где хранится информация, которая, по-вашему, никогда не понадобится, типа слов песен к фильму «Парк МакАртура», или умножения матриц, или — в моем случае — египетских реалий. Когда Мерит была маленькой, она любила говорить «завчера», что могло означать пять минут назад или пять лет назад. Именно в таком безвременье я и оказалась. Словно я снова вернулась в ту минуту, которую оставила в прошлом, покинув Египет. Словно она все время ждала возвращения.

Окна в такси опущены, и я уже чувствую оседающую на лицо пыль. В Египте все покрыто песком: туфли, кожа; песок в воздухе, которым дышишь. Песок забирается даже в еду. Зубы мумий изъедены песком.

Несмотря на ночное время, жизнь в Каире, городе, полном контрастов, бьет ключом. Автомобили делят скоростное шоссе с повозками, запряженными ослами.

Мясные лавки, с вывешенными на улице мясными тушами, уютно соседствуют с сувенирными ларьками. Мимо проносится маслкар с форсированным двигателем, оставляя за собой кильватерную струю пульсаций рэпа, который смешивается с усиленным динамиками эхом призыва муэдзина на вечерний намаз. Мы едем вдоль берега Нила с томящимися на жаре отбросами. Наконец я вижу железнодорожный вокзал Рамсес.

— Пятьдесят фунтов, — говорит таксист.

В Египте нет фиксированной оплаты такси: водитель просто предлагает вам свою цену за поездку. Я протягиваю ему сорок фунтов в качестве встречного предложения и вылезаю из машины. Он тоже выходит и начинает орать на меня на арабском.

— *Шокран*, — отвечаю я. — *Шокран*.

Даже если такие сцены здесь в порядке вещей и никто не обращает на нас внимания, я чувствую, как у меня учащается пульс.

Западному человеку нелегко попасть в Средний Египет. Туристам не положено ездить на поездах, поэтому я не покупаю билет, а дожидаясь кондуктора и включаю дурака. Но поезд уже в пути, и тут ничего не поделаешь, а потому кондуктор пожимает плечами и разрешает мне заплатить. Несколько часов спустя я выхожу на своей остановке, в Эль-Минье, и обнаруживаю, что я здесь единственный белый человек, да и вообще единственный человек на станции.

Если верить расписанию, я должна была прибыть сюда в 2:45, но поезд опоздал, и сейчас начало пятого утра. Такое ощущение, будто я находилась в пути почти 24 часа. Единственный таксист на вокзале Эль-Миньи играет в какую-то игру на мобильнике. Я стучу в стекло его автомобиля, таксист поднимает на меня глаза. Выглядит он помятым и слегка заторможенным.

— *Сабах эль-хейр*, — говорю я. *С добрым утром.*

— *Сабах эль-нур*, — отвечает он.

Я называю пункт своего назначения — отсюда примерно час езды. Таксист выбирает дорогу по пустыне, идущую на восток от Эль-Миньи. Я смотрю в окно, мысленно пересчитывая *джебели* и *вади* — горы и долины, — возникающие в темноте на горизонте. На пропускных пунктах, где безбородые юнцы держат выдавшие виды автоматы, выпущенные еще в мохнатых шестидесятых, я повязываю голову шарфом и делаю вид, что сплю.

Таксист то и дело украдкой смотрит на меня в зеркало заднего вида. Должно быть, ломает голову над тем, что эта чокнутая американка забыла в самом сердце Египта, где нет обычных туристических маршрутов. Представляю, что я могла бы ему сказать, если бы мне хватило смелости или знания арабского.

Я всегда задаю своим клиентам вопрос: остались ли у вас незаконченные дела? Какое важное дело вам нужно сделать, прежде чем уйти из жизни? И я слышала самые разные ответы: починить перекосившуюся дверь и искупаться в Красном море; написать мемуары и сыграть партию в покер со старым другом, с которым потерял связь. Ну а для меня — все это. Эта пыль, эта зубодробительная поездка, эта выбеленная солнцем лента ландшафта.

В прежней жизни я собиралась быть египтологом. Я влюбилась в египетскую культуру, когда в четвертом классе мы проходили Древний Египет. Я стояла на детской горке — в ушах шумел ветер — и представляла, как пересекаю на фелуке Нил. Самой бесценной вещью для меня был каталог выставки «Сокровища гробницы Тутанхамона», который мама нашла в букинистическом магазине. В старших классах я учила немецкий и французский, так как знала, что эти языки понадобятся для изучения научных трудов. Я подала заявление на поступление в колледжи, где имелись программы по египтоло-